

А. К. БОРОВКОВ

КРАТКИЙ ОЧЕРК
ГРАММАТИКИ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

СОВРЕМЕННЫЙ УЗБЕКСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

(§§ 1—5)

§ 1. Узбекский язык принадлежит к группе родственных тюркских языков. Современный узбекский язык, в лице большинства его городских говоров, отличается составом гласных—вместо обычных для тюркских языков 8 гласных фонем, в узбекском 6 гласных, причем эти гласные не противопоставляются друг другу как гласные переднего ряда («мягкие») и гласные заднего ряда («твердые»). Иными словами в общелитературном узбекском языке нет характерного для тюркских языков явления гармонии гласных или сингармонизма, т. е. соподчинения гласных или переднего ряда или заднего ряда в основах и аффиксах.

Название «узбекский язык» отнюдь не обозначает исключительно современные говоры узбеков различных родовых групп, появившихся в Средней Азии в начале XVI в. в результате завоеваний Шейбани-хана и его преемников. Современный узбекский литературный язык является общим национальным языком всего населения Узбекской ССР и преемственно связан с литературным языком раннего периода (с XV в.) и его источниками.

Распространен узбекский язык на всей территории Узбекской ССР, а в отдельных случаях и за пределами Узбекистана, именно: в Таджикской ССР (районы Ленинабада, Ура-тубе и на юго-западе в долинах рек Кафирнигана, Вахша, Кызылсу и Яхсу), в Киргизской ССР (Ош, Джалал-Абад), в южном Казахстане (Мерке, Джамбул, Чимкент, Манкент, Карабулак, Туркестан, Икан, Сузак и др.), в северной части Афганистана (Андхой, Мазари-Шариф, Меймене).

§ 2. В диалектальном отношении узбекский язык очень неоднороден. Выделяются говоры ташкентского типа, самаркандско-бухарские говоры (по Зеравшану и Кашкадарье), ферганские городские говоры, «джеккающие» говоры шейбанидских узбеков, южнохорезмские говоры, изолированные узбекские говоры Манкента, Икана, Карабулака и др. Размещение узбекских говоров исторически сложилось чрезвычайно разнообразно, говоры подвергались смещению и нивелировке, но и по сей час сохраняют часто значительные различия.

Современный литературный узбекский язык в подлинности не тождествен ни одному из живых диалектов или говоров. В самых общих чертах можно сказать, что с точки зрения важнейших норм орфоэпии, основ морфологии и словарного состава к литературному языку ближе других говоры ташкентского и общеферганского типа, где более древние говоры претерпели некоторые изменения вследствие смешения с говорами «кыпчацкого» происхождения.

Наиболее близкую связь с традиционным литературным языком сохранили говоры самаркандско-бухарского типа, разумеется, не говоры городов Самарканда

и Бухары, а старинные областные говоры по Зеравшану и Кашкадарье.

§ 3. Традиционный литературный узбекский язык принято называть староузбекским. Раньше этот литературный язык в научном обиходе именовали «чагатайским», но в более точном понимании под «чагатайским» языком разумелся литературный язык тимуридского периода XV в., связанный с именем Алишера Навои и его ближайших поэтических предшественников и современников. Этот литературный язык с XVI в. подвергался изменениям в новых областных литературных центрах. В 70-х годах прошлого столетия в Хиве, Ташкенте, Коканде, Бухаре и других городах стали появляться литографии и типографии, к началу XX в. появились периодические издания—газеты и журналы. При всем том книжный литературный язык оставался далеким от живого разговорного языка, хотя в периодических изданиях заметно стали выделяться диалектальные элементы, влияния местных говоров.

§ 4. Первый шаг к приближению литературного узбекского языка к живому произношению и к разговорному языку был сделан в 1922 г., когда была осуществлена первая реформа арабского алфавита,—из алфавита были устранены знаки, обозначающие некоторые специфические, свойственные только арабскому языку согласные, и добавлены знаки для различения гласных, отсутствовавшие в старом арабском алфавите. Однако принятая тогда орфография основывалась на признании сингармонизма, т. е. соответствовала произношению, характерному только для отдельных областных диалектов и говоров. В 1929 г. был осуществлен переход на латинский алфавит, но и при новой реформе были сохранены те же девять гласных: а, э, о, ө, е, и, у, ь, і, т. е. сохранялось деление гласных на передние («мягкие») и задние («твердые»), и правописание, основанное на признании гармонии гласных в литературном узбекском языке.

Поскольку такой состав гласных и сингармонизм не свойственны основным узбекским диалектам и говорам, тем более что правила «гармонии гласных» распространялись и на все заимствования (напр., *feodalizm* 'феодализм', *oktabr* 'октябрь', *pijessa* 'пьяса', *proletariat* 'пролетариат' и т. п.), алфавит и орфография были пересмотрены в 1934 г. Но, хотя количество гласных в алфавите было сокращено до шести: а, э (только в отдельных словах для устранения омонимичности; напр., *ana* 'мать', *ana* 'вог' и т. п.), о, е, и, і—такой состав гласных не отвечал определенному произношению.

Только в 1940 г. при переходе на русский алфавит было предусмотрено определенное произношение, свойственное большинству узбекских городских говоров, кроме говора Хорезма.

Уже в 1922 г. была предпринята попытка ввести в общее употребление диалектальную форму, именно аффикс -ли, образующий относительные прилагательные (в ташкентском и некоторых других говорах аффикс относительных прилагательных и аффикс отвлеченных существительных совпали в одном аффиксе -лик). На самаркандской конференции по вопросам орфографии в мае 1929 г. было рекомендовано ввести в общее употребление ряд других диалектальных форм: формы настоящего продолжающегося времени на -яп (общеферганская форма) и на -ётир (форма, свойственная «джекающим» узбекским говорам, распространенная также в Хорезме), форму будущего времени на -ажак, -ажак (южнохорезмская форма). Кроме последней формы, все другие так или иначе утвердились в общем употреблении.

Тюркские народности в Средней Азии с древнейших времен находились в тесных экономических, политических и культурных отношениях с иранскими народами — согдийцами и таджиками. В начале VIII в. Средняя Азия была покорена арабами. Постепенно ислам стал господствующей религией в Средней Азии, арабский язык долгое время играл роль языка науки, был обязательным предметом школьного обучения. Благодаря этому узбекский язык, его лексика и грамматика очень осложнены заимствованиями таджикско-персидского и арабского происхождения.

§ 5. Начиная со второй половины XIX в. на араб-

ском Востоке усилилось национально-освободительное движение, развились новые течения в литературе, прогессистская пресса. Новая политическая терминология распространялась на Иран и Ближний Восток, а затем проникала и в Закавказье, Поволжье, позднее и в Среднюю Азию. Неудивительно, что в 20-х годах развитие узбекской научной и технической терминологии и политической лексики все еще продолжало основываться на традиционных источниках заимствования, привычных для старой интеллигенции. Однако увеличивались и заимствования международной терминологии из русского языка и через его посредство. Все больше стали сталкиваться разные системы терминов (напр., «хандаса геометрия», «жуграфия» и «геология», «геодезия» и т. п.), а с другой стороны, искусственно введенные слова вступали в противоречия с заимствованиями в живой речи (напр., кашшоф — в устной речи пионер, жабха — в устной речи фронт и т. п.). В конце концов, вместе с развитием всех областей науки и техники, полное преобладание в современном узбекском языке получила общеупотребительная международная научная и техническая терминология.

Наряду с новой лексикой и терминологией в современном узбекском языке разными путями развились новые морфологические формы: академик 'академический' (но академик 'член академии' и т. д.), субъектив 'субъективный', коммунал 'коммунальный', авиацион 'авиационный' и т. д.

ФОНЕТИКА

(§§ 1—23)

§ 1. В современном узбекском литературном языке шесть гласных: и, у, э, ў, а, о, из которых и, э, а — гласные переднего ряда и у, ў, о — гласные заднего ряда. В узбекском языке отсутствует явление гармонии гласных или сингармонизма, т. е. гласные переднего ряда («мягкие») не противопоставляются гласным заднего ряда («твердые») в основах и суффиксах, напр., ерга 'на (в) землю', бозорга 'на базар' и т. п.

§ 2. Гласные узкие и и у отличаются своей краткостью по сравнению с другими гласными с полной длительностью. В безударных слогах между глухими согласными перед сонорными л, р, и узкие гласные и и у способны к оглушению, редукции и выпадению, напр., чақ'риб 'позвав', чақ'ринг 'позовите', п'чоқ 'нож', қ'зйл 'красный' и т. п.

В ташкентском, каршинском и некоторых других говорах краткий и является изменчивым по своей природе и способен отклоняться от очень переднего и, напр., иш 'дело', 'работа', эшиқ (эшиј) 'дверь' и т. п., до более заднего і, напр., қіз 'девушка', 'дочь', қілік 'поступок' и т. п.

В положении между глухими согласными и перед л, р, и, з краткий и превращается в сверхкраткий, напр., ч'ш (т'ш) 'зуб', т'л 'язык', б'лан 'с', 'вместе с' (послелог), б'р 'один', б'зб'зак 'жужжалка' и т. п., и может выпасть, напр., хотинси 'его жена' (<хотин) и т. п. Оглушению и редукции в безударном слоге подвергается также гласный у, напр., т'шов 'пути', т'шунча 'понятие' и т. п.

§ 3. В некоторых двусложных словах со вторым закрытым слогом (обычно с конечными л, н, з) при перемещении ударения (а это происходит в случаях присоединения местоименно-притяжательных аффиксов) безударный и выпадает и не фиксируется в письме согласно произношению: кўнгли 'его сердце' (<кўнгил),

синглим 'моя младшая сестра' (<сингил), ўгли 'его сын' (<ўгил), ўрин 'его место' (<ўрин), корним 'мой живот' (<корин), озги 'его рот' (<озгиз) и т. п.

Примечание. В аналогичных случаях иногда наблюдается выпадение гласного а, напр., шахар 'город' и шаҳри 'его город', заҳар 'яд' и заҳри 'его яд' и т. п., но здесь уже по другим причинам; ср. этимологические шаҳр 'город', заҳр 'яд'.

§ 4. Краткий у во втором закрытом слоге после предшествующих губных ў и у произносится как неопределенный беглый гласный. По этой причине принято писать после предшествующего у всегда у во втором слоге, напр., бутун 'весь', 'целый', тутун 'дым', 'чад', тузук 'исправный', 'ладный', унум 'урожай', сургун 'изгнание' и т. п., и после предшествующего ў всегда и во втором слоге, напр., ўтин 'дрова', тўзим 'терпение', ўрик 'абрикос', ўрин 'место', тўлқин 'волна', сўлғин 'увядший' и т. п.

Примечание. Упомянутое орфографическое правило не распространяется на составные и сложные слова, напр., тўртгул 'название узора на тюбетейке' (букв. четыре цветка) и т. п.

§ 5. Гласные полуузкие э и ў обычно только в первых слогах. Гласный э (после согласных пишется е) возможен в непоследних слогах только в заимствованных словах: пролетар 'пролетарий', характерли 'характерный', балет 'балет' и т. п.

Гласный э в узбекском относится к типу закрытого э, примерно, как русское э (е) в эти, дети и т. п., напр., этик 'сапог', тетик 'бодрый', тери 'кожа', семиз 'жирный', 'тучный' и т. п. В силу закрытости э в старых заимствованиях таджикско-персидского и арабского происхождения возникали случаи э>и, особенно в ташкентском говоре, почему имеют место диалектальные различия в произношении: беҳи-биҳи 'айва', меҳмон-миҳмон 'гость', мерос-мирос 'наследство',

эхсон—ихсон 'добро', 'благодеяние', эхтимол—ихтимол 'вероятность', 'вероятно', хелпирамоқ—хилпирамоқ 'развеваться', 'колыхаться', толе—толи 'счастье', 'судба' и т. п.

Поскольку, с другой стороны, гласный и в узбекском всегда краткий, а закрытый гласный э (е) обычен только для первых слогов, в заимствованиях из русского языка русский гласный и, более длительный, в разговорном узбекском языке воспринимается часто как э (е), гласный же э (е) в первых слогах приравнивается к широкому гласному ä (и далее ä > о), напр., перожи 'пирожное', белät 'билет', семон 'цемент' и т. п.

§ 6. Гласный у очень закрытый, сравнительно с русским о под ударением; тип этого гласного—средний между у и о, если иметь в виду русские гласные у и о. Поэтому именно в устных заимствованиях из русского русский о приравнивается иногда узбекскому у, напр., пудрат 'подряд', пудратчи 'подрядчик' и т. п., или, напротив, русский у узбекскому у, напр., кўнас 'купец', кўчир 'кучер' и т. п. С другой стороны узбекский гласный ў в русском ассоциируется обычно с у, напр., урюк, уртак, усма вместо ўрик 'абрикос', ўртоқ 'товарищ', ўсма 'растительная краска для бровей' и т. п.

§ 7. Широкие гласные а и о отличаются от соответствующих русских гласных. Гласный а в узбекском переднего ряда, как немецкое ä в Ärmel, Lärm, или английское а в map, rack, hat и т. п. Вместе с тем гласный а отклоняется от очень переднего а, напр., в ака 'старший брат', капалак 'бабочка', 'мотыльк', билак 'рука (от кисти до локтя)' и т. п., до очень заднего а, напр., в исирга 'серьги', канака 'какой', қани 'ну-ка', карагай 'сосна' и т. п. под влиянием глубокозаднеязычных к, г, х. Исторически это два разных гласных, т. е. переднее ä и гласный заднего ряда а. Развитие фонемы о в узбекском языке в первых слогах, а затем и во вторых закрытых слогах и на месте долгого ä в словах таджикско-персидского и арабского происхождения привело к ограничению рамок употребления гласного а заднего ряда.

§ 8. Гласный о в узбекском языке—это очень глубокозаднеязычный гласный, который произносится значительно глубже русского а и акустически производит впечатление среднего между а и о. Другой тип этого гласного наблюдается в говорах самаркандско-бухарского типа—лабиализованный гласный, несколько более открытый, нежели русский о.

Гласный о в узбекском языке самый длительный и самый устойчивый сравнительно с другими гласными. Гласный о обычен: а) в односложных основах (из одного закрытого слога), напр., бор 'есть', 'имеется', тош 'камень', ош 'плов', пища, от 'лошадь', ой 'месяц', ол- 'брат' (основа глагола), қол- 'оставаться' (основа глагола) и т. п.; б) в первых слогах двусложных основ с конечным открытым слогом, напр., ота 'отец', бола 'дитя', орқа 'спина', осма 'всякий', болта 'топор' и т. п.; в) в конечных закрытых слогах двусложных основ, напр., томоқ 'горло', 'глотка', ковоқ 'тыква', қозон 'котёл', қобон 'кабан', томон 'сторона', 'направление', ёлгон 'ложь', орол 'остров' и т. п.; г) во всех случаях в форме на -моқ, напр., бормоқ 'идти', олмақ 'брат', келмоқ 'приходить', келтирмоқ 'принести', 'привозить', билмоқ 'знать', билдирмоқ 'давать знать', 'извещать' и т. п.; исключение составляет форма демак 'итак', 'следовательно', 'значит' в значении вводного слова, в отличие от демоқ 'говорить', 'сказать'; д) на месте исконно долгого ä в заимствованиях таджикско-персидского и арабского происхождения, напр., музокара (<ар. музакара) 'обсуждение', 'дебаты', 'переговоры', мукофот (<ар. мукафат) 'вознаграждение', 'премия', мубтало (<ар. мубтала) 'подверженный

(чему-л.)', бало (<ар. бала) 'несчастье', 'бедствие', соат (<ар. са'ат) 'час', 'часы' и т. п.

В новых устных заимствованиях из русского языка русский гласный а под ударением приравнивается в односложных и двусложных словах с конечным открытым слогом к узбекскому о, напр., лок 'лак', мой 'май', морт 'март', ром 'рама', портä 'парта', мотка (<р. матка) 'дама (в картах)' и т. п. В других случаях русский гласный а с точки зрения относительной длительности, или под влиянием губно-губного в, или глубокозаднеязычного г опять-таки приравнивается к узбекскому о, напр., мошин 'машина', зовут 'завод', п'лон 'план', вокзол 'вокзал', богоч 'багаж' и т. п.

Все это свидетельствует о том, что гласный а заднего ряда утратил функцию самостоятельной фонемы, хотя процесс превращения всякого а заднего ряда в о в первых слогах далеко не закончился в современном узбекском языке и наблюдаются случаи факультативного употребления а и о, напр., чикариш—чикориш 'вывод', 'вынос', 'вывоз', суғариш—сугориш 'полив', 'поение', атамоқ—отамоқ 'называть', 'именовать', чакимчи—чоқимчи 'ябедник', йамоқ—йомоқ 'заплата', айиг—ойик 'медведь', алдамчи—олдамчи 'обманщик'; ср. пансад—понсад (<тадж. панусад) 'пятисотник' и т. п.

§ 9. По современной узбекской орфографии гласный звук э передается двумя буквами в зависимости от положения в слове: в начале слова—э, напр., эшик 'дверь', а после согласных—е, напр., тешик 'дыра', 'отверстие'. В начале слова, а также после разделительных знаков в новых заимствованиях буква е передает йотированный гласный—йе, напр., ер (йер) 'земля', пьеса и т. п.

Буквы ё, ю, я также обозначают йотированные гласные: ёо, ёу, ёа и употребляются в начале слова, напр., ёз (йоз) 'лето', юлдуз (йулдуз) 'звезда', яхши (йахши) 'хороший', после разделительных знаков, напр., съёмка и после гласных, напр.: пиёз (пийоз) 'лук', буюм (буйум) 'вещь', 'изделие', суйак (суйак) 'кость' и т. п. В отдельных случаях йотированные ё, ю, я встречаются после согласных, напр., дарё (дарйо) 'река', дунё (дунйо) 'мир', 'вселенная', афион (афйон) 'опиум', ҳадя (ҳадйа) 'подарок', 'подношение', Марям (Марйам) 'Мария', келяпти (келйапти) 'идет', 'приближается (сюда)' и т. п.

§ 10. Произношение гласных в известной мере зависит от ударения в слове. Гласные под ударением отличаются от соответствующих неударенных большей длительностью и интенсивностью произношения. Словесное ударение в узбекском языке связанное (так называется ударение, закрепленное на определенном слоге слова, в отличие от свободного ударения, возможного на любом слоге) и падает обычно на последний слог, напр., бола 'дитя', болалар 'дети', болаларга 'детям' и т. п. Исключение составляют некоторые вводные слова, наречия и союзы таджикско-персидского и арабского происхождения с ударением на первом и предпоследнем слоге, напр., бálли 'да', 'правильно', 'яни 'то-есть', ҳátто 'даже', áммо 'однако', 'но', бáъзи 'некоторый', бáъзан 'иногда', ҳáмма 'все', 'все', áлбатта 'разумеется', 'конечно' и т. п., и новые заимствования, напр., бáза, тра́ктор, ботáника и т. п.

При перемещении ударения на последний слог в многосложных словах сохраняется второстепенное ударение на конечном слоге основы или, реже, при определенных условиях на первом слоге, напр., боболарнимиздан 'от наших предков', озодагарчилик 'опрятность', аравакшларимизга 'нашим возницам', бдалалар (в ташкентском произношении болла) 'дети' и т. п. В последнем случае имеет значение и относительно бóльшая

длительность гласного о в первом слоге и наличие сонорных в последующих слогах.

Не принимают на себя ударения энклитики (т. е. слова, которые примыкают к предшествующему слову, оставаясь безударными), как-то: вопросительная частица -ми, напр., *борми*, *йўқми* 'есть ли, нет ли', частицы -ку, -чи, -оқ (-ёқ), -да, *зу* (-ю), *зма*, напр., *келдйлар-ку* 'они пришли же', *болалар-чи* 'ну а дети', 'а дети', *ҳозирдан-оқ* 'уже с данного момента', *эртасига-ёқ* 'уже на завтра', *келди-да* *кетди* 'пришёл и ушёл', *чолу кампир* 'старик и старуха', *кучама-куча* 'с улицы на улицу', *йзма-юз* 'лицом к лицу' и т. п. К энклитикам относятся и местоименные аффиксы сказуемости: *колхозчйман*, *колхозчйсан*, *колхозчйдир*, *колхозчйлармиз* 'я (есть) колхозник', 'ты (есть) колхозник', 'он (есть) колхозник', 'мы (есть) колхозники' и т. д. В формах глагола: *ишлайман* 'я работаю', *ишлаймиз* 'мы работаем', *ишлайман* 'я не работаю', *борарман* 'я пойду', 'я поеду', *борганман* 'я ходил', 'я ездил', *борганман* 'я не ходил', 'я не ездил' и т. д. В формах 1 и 2 л. ед. ч. настояще-будущего времени от дееспричастия на а ударение возможно и на основе и (предпочтительно) на личном окончании, напр., *бораман* и *бораман* 'иду', 'пойду', *оламан* и *оламан* 'беру', 'возьму', *кетасан* и *кетасан* 'уходишь', 'уйдёшь' и т. д. При наличии особой экспрессии ударение падает на местоименное окончание, напр., *ишлайман(-ку)* 'я же работаю', *борганман* 'я же ходил' и т. п.

Словесное ударение может быть обусловлено лексико-семантическими и синтаксическими моментами, напр., *парй* 'пери', *ғоз парй* 'гусиный пух (пар)', *лашкар бошй* 'военачальник', 'командующий', *бошй огрийди* 'у него болит голова' и т. п. Конечный и глаголов 3 л. ед. ч. редуцируется в сторону краткости и открытости гласного вследствие понижения основного тона гласного: *огрийд* 'болит', *келд* 'прибыл' и т. п.

§ 11. Состав согласных в литературном узбекском языке в алфавитном порядке: б, в, г, д, ж, з, й, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, к, г, ф, х. Согласные в узбекском языке не противопоставляются по 'твёрдости' и 'мягкости' как в русском, напр., в случаях *кон* и *конь*, *жар* и *жарь*, *рад* и *ряд* (р'ад), *сад* и *садь* (с'ад') и т. п. Иногда только согласные к и г палатализуются («смягчаются») под влиянием гласных переднего ряда и, э, а и среднеязычного согласного й. Согласные ш, ч, ж всегда «мягкие», т. е. произносятся с подъемом к небу передней части спинки языка, а не кончика языка, как при произношении русских *шапка*, *шашка* и т. п.

С некоторыми оговорками можно сказать, что узбекские согласные п, б, м, т, д, н, к, г, ч, с, з, ш, й, х, р более или менее соответствуют таким же русским согласным, но не палатализованным («мягким»).

§ 12. Принципиально отличаются в узбекском глубокозаднеязычный глухой смычный к, произносимый самой задней частью спинки языка, напр., *қоқ* 'сухой', *қулоқ* 'ухо' и т. п., аффриката ж, т. е. слитно произносимые как один согласный д+ж, подобно английскому j в *jam* 'джем' и т. п. (за исключением отдельных слов, напр., *аждар* 'дракон', где ж произносится как переднеязычный проточный ж, равно как и в новых заимствованиях—*журнал*, *жанр* и т. д.). Согласные ф и в в узбекском языке оба губно-губные, т. е. при их произношении нижняя губа приподнимается не к верхним зубам (как в русском), а к верхней губе. В разговорном языке ф вообще отсутствует и осуществляется как п.

§ 13. Глубокозаднеязычный проточный глухой х в узбекском несколько более глубокий нежели русский х, напр., в *храп*, *хвост* и т. п. Проточный звонкий согласный г близок по месту образования к х, т. е. является

соответствующим звонким к глухому х, напр., *ғоз* 'гусь', *ғунча* 'буто́н', *ғўза* 'хлопчатник' и т. п.

§ 14. Помимо глухого глубокозаднеязычного х в узбекском есть еще и глухой гортанный (фарингальный) согласный проточный х, образующийся током выдыхаемого воздуха через сближенные стенки нижней части глотки (фаринкса), напр., *ҳар* 'каждый', *ҳамма* 'все', 'всё' и т. п.

В старых заимствованиях из арабского особо выделялся на письме еще специфически арабский гортанный согласный, образующийся током выдыхаемого воздуха (сильным шепотом) при суженном проходе за язычком. В современном узбекском языке этот согласный совпал с х, напр., *меҳнат* 'труд', *рахмат* 'спасибо' и т. п. Однако в ташкентском говоре этот арабский согласный совпал не с х, а с глубокозаднеязычным х (в ташкентском произношении: *меҳнат*, *рахмат* и т. п.).

§ 15. В узбекском литературном языке не различаются «твёрдый» л и «мягкий» ль, есть один тип «среднего» л, при произношении которого средняя часть спинки языка не опущена, как при русском «твёрдом» л, и не настолько приподнята, как при русском «мягком» ль. Узбекский л занимает среднее положение по подъему спинки языка и совпадает в этом отношении с немецким l в *lang*, *Löwe* и т. п. или с французским l в *la livre*, *la lune* и т. п.

§ 16. В узбекском алфавите не предусмотрено особого знака для заднеязычного носового согласного, изображаемого диграммой (двумя знаками) *нг*, подобно немецкому *ng* в *lang* и т. п. Этот согласный произносится с некоторым усилением артикуляции к концу и несколько теряет на конце назальность—*нг*, напр., *онг* 'сознание', *кенг* 'широкий', *кўнгил* 'сердце', *отанг* 'твой отец' и т. п. В начале слова *нг* невозможна.

§ 17. Современная узбекская орфография предусматривает также некоторые непронносимые знаки—это *ъ*, *ь*, а также *й* в диграмме *ий*, которая служит для обозначения определенного разряда прилагательных.

В некоторых заимствованных словах арабского происхождения встречались согласные, не имевшие соответствий в узбекском, и потому обычно не произносились. Но поскольку такие согласные имели определенное этимологическое значение, они и передавались в арабском алфавите особыми знаками—«хамзой» (в арабском это смычный гортанный согласный, наподобие смычки перед гласными, если с усилением произнести с'узить, к'отцу и т. п.) и «'айна» (в арабском—гортанный проточный согласный). С переходом на латиницу, а впоследствии и на русский алфавит оба эти знака были заменены апострофом ('), а ныне вместо апострофа принят разделительный знак *ъ*, поскольку без специального обозначения «хамзы» и «'айна» многие арабские заимствования утратили бы свой этимологический облик, напр., *шеър* 'стихотворение' (ср. *шер* 'лев'), *даво* 'претензия' (ср. *даво* 'целительное средство') и т. п. В современном корректном литературном произношении разделительный знак (ъ) в арабских заимствованиях обозначает перерыв голоса путем смычки голосовых связок, напр., на месте «хамзы»—*масъул* 'ответственный', *маъмур* 'администратор' и т. п., на месте «'айна»—*маълум* 'известный', *февъл* 'глагол', *маъно* 'смысл', 'значение', *масъуд* 'счастливый', *машъал* 'факел' и т. п. В разговорном языке арабские «хамза» и «'айн» в произношении опускаются или заменяются долготой предшествующего или последующего гласного.

В новых заимствованиях разделительный знак (ъ) выполняет обычную функцию: объект, разъезд, съёмка и т. п. Знак мягкости сохраняется в целях соблюдения